

Общежитие опустело наполовину. Те немногие, кто ещё оставался в комнатах, пребывали в каком-то полусонном оцепенении — казалось, подготовка и сдача выпускных экзаменов выжали из них все силы до единой капли. За три года каждый угол в этих стенах успел стать родным, но оставались считанные дни до того, как им придётся уехать отсюда навсегда.

— Вы чего притихли, как пришибленные? — Гоудань шагнул через порог, бросив на пол холщовую сумку. — Ели хоть что-нибудь?

— Ага, перекусили...

— Да нет ещё, кусок в горло не лезет.

Голоса ребят прозвучали вразнобой.

— В столовой сейчас шаром покати, небось уже всё закрыли, — Гоудань развязал узел на мешке, который собрал ему отец. — Если проголодались, налетайте. Деревенские гостинцы, немудрёные, но брюхо набить хватит.

— А чего вы так рано собираться начали? — лениво поинтересовался кто-то с верхней койки. — За один раз всё равно ведь не утащите.

— Да пусть лежит готовое. Сегодня часть унесём, а остатки заберём через пару дней, когда придём ответы сверять и заявления на поступление заполнять.

— Сяомин, а за тобой брат приедет помогать? — спросил Гоудань, повернувшись к соседу.

Они прожили бок о бок два года в средней школе и, к общему удивлению, все три года в старшей провели в одной комнате. За это время Чжан Сяомин заметно вытянулся, возмужал и обзавёлся очками, придававшими ему интеллигентный, книжный вид. От былой детской робости и забитости не осталось и следа.

— Да нет, я потихоньку частями всё выносил, так что барахла почти не осталось, — ответил Сяомин, поправив очки на переносице. — Сам справлюсь. На крайний случай сделаю как Жэнь Бяо — отложу остатки на пару дней. А вы-то как думаете? У вас вещей тоже прилично накопилось.

— Нормально всё, — Ван Сюань весело крутанул на пальце связку ключей. — Сегодня выспимся как следует, а завтра начнём не спеша перетаскивать. Ключи от комнаты мы пока не сдавали.

— И не сдавайте до последнего, всё равно спешить некуда.

— Мы вот вообще разъезжаться не торопимся — дом-то далеко, — вздохнул один из парней. — Эх, столько лет здесь прожили, аттестаты ещё на руки не получили, а администрация уже вывесила объявление: освободить комнаты и сдать ключи к такому-то числу. Какое-то бездушное отношение, вам не кажется?

— Что, правда выселяют? — удивился Гоудань. — И до какого велели съехать?

— Да сразу как заявления напишем. Выпроваживают, как приبلудных собак. Мол, убирайтесь до такого-то числа, и дело с концом. Словно и не учились мы тут три года — ни капли тепла на прощание.

— А чему ты удивляешься? — подал голос другой одноклассник. — Формально мы школу закончили, больше к ней отношения не имеем. Зачем им лишняя головная боль? Парни мы уже взрослые, если оставить нас тут без присмотра ещё на неделю, мало ли что натворим. Ответственность-то на кого ляжет? На школу? А у учителей и воспитателей отпуска начнутся, в корпусах никого не останется. Им проще выставить нас побыстрее за ворота, чтоб под родительским надзором сидели.

Каждое лето вчерашние школьники ухитрялись влипнуть в такие истории, что у руководства волосы дыбом вставали. Разумеется, директорат спал и видел, как бы поскорее разогнать эту банду по домам от греха подальше.

Пока шла учёба, никто об этом не задумывался, но стоило прозвенеть последнему звонку, как пришло осознание: они здесь больше не хозяева. Привычные стены внезапно показались чужими, и к лёгкой грусти примешалась какая-то отстранённость.

Наверное, дело было в чисто человеческом чувстве территории. Ещё вчера это место принадлежало им, они знали каждый закуток, могли ворчать на порядки, требовать чего-то от администрации на законных правах. А теперь? Всё, отучились. Какие теперь права?

Эти мысли крутились в головах у многих.

— Столько времени привыкал к школьной рутине, а теперь уходить не хочется, — вздохнул один из ребят, подперев щеку рукой. — Помню, как мечтал: вот выпущусь и буду спать до обеда, никаких дурацких ранних подъёмов! А сейчас, когда всё позади, ловлю себя на мысли, будто просто уезжаю на выходные и в понедельник снова вернусь за парту. У вас нет такого ощущения?

— Да у всех так, — отозвался Сяомин. — Реальность происходящего до сих пор не доходит. Внутренне всё кажется, что это просто передышка перед уроками. Но увы — мы оба знаем, что лавочка закрылась. Конец кино.

Обычно грубоватые, шумные парни, которые и слов-то приличных порой не знали, притихли, увязнув в непривычной сентиментальности.

— Ладно вам, в гостях хорошо, а дома лучше. Не бывает вечных праздников, — подбодрил их Гоудань. — Главное — не теряться. Будем писать друг другу.

— Писать-то ладно, только это как на кофейной гуще гадать, — вздохнул кто-то в углу. — Разлетимся сейчас кто куда, и поминай как звали. Свидимся ли вообще когда-нибудь? Городским хорошо, у них телефоны дома есть, созвониться раз плюнуть. А нам, деревенским, только почтовые адреса оставлять. Пока письмо дойдёт, пока ответ получишь — вечность пройдёт.

Школьная столовая пока работала, хотя выбор блюд заметно победнел — повара готовили лишь для тех немногих выпускников, кто ещё не успел съехать. Младшие классы пока продолжали учиться, так что кухонный персонал жил по привычному расписанию.

Оставшиеся в комнате ребята скинулись, купили в столовой нехитрой снеди и притащили в общежитие. Гоудань выгреб из своего мешка домашние запасы: сухие лепёшки, пышные маньтоу из муки грубого помола, соленья и солёные утиные яйца. Всё это богатство чинно разложили на голых досках нижней койки, с которой уже сняли матрас. Вышла вполне приличная поляна.

— Ну что, парни, — объявил зачинщик, — устроим наши официальные проводы.

— Эх, и чего остальные так подорвались? — сокрушался Жэнь Бяо, усаживаясь поудобнее. — Свалили домой, будто за ними черти гнались. Теперь и половины взвода не собрать.

В этот момент один из парней заговорщически подмигнул и полез под кровать:

— Слышите, я тут бутылочку раздобыл... Сообразим на всех?

Ребята переглянулись. Глаза у всех махом загорелись предвкушением.

— Наливай!

Алкоголь разлили по щербатым алюминиевым кружкам. Сделали по первому глотку — и тут же заморщились:

— Ух, жжёт!

— Горькая, зараза...

— И как люди эту гадость глушат?

Пить дешёвое пойло было с непривычки тяжело, но парни упорно, с самым серьёзным видом чокались и закусывали мантоу с солёным яйцом. Вскоре хмель ударил в молодые головы. Разговоры пошли громче, а когда еда наполовину опустела, кто-то затянул песню. Точнее, принялся орать во всё горло, не попадая в ноты.

Шум быстро привлёк соседей по коридору. Сначала заглянули из соседней комнаты, потом подтянулись ребята с конца этажа. Вскоре в тесной спальне яблоку негде было упасть — стихийная пирушка набирала обороты.

Стол ломился от «изысков»: новоприбывшие тащили всё, что завалилось в закромах — кто кулёк жареных семечек, кто пару сморщенных яблок, кто засохший пряник. В мужском крыле поднялся невообразимый гвалт.

Шум и дебош докатились до девичьего крыла. Старосты-девчонки, испугавшись погрома, тут же побежали за дежурным учителем. Классные руководители поспешили на место происшествия, ожидая увидеть драку стенка на стенку, но, распахнув дверь, так и застыли на пороге. Картина перед ними предстала живописная: вчерашние прилежные ученики устроили форменный сабантуй.

— Это ещё что такое?! Откуда алкоголь?! А ну прекратить безобразие! — попытался прикрикнуть завуч.

Но хмельных выпускников грозный окрик не испугал. Понимая, что школа для них практически закончилась и терять им нечего, ребята осмелели. Вместо того чтобы со страхом прятать кружки, они с улюлюканьем окружили учителей, втянули их в круг и заставили подпевать. Строгие, вечно насупленные лица наставников дрогнули. Суровая маска дисциплины дала трещину, и они невольно рассмеялись.

Вскоре гулял уже весь этаж. К празднику присоединились даже те девчонки, что прибежали вслед за учителями ябедничать. Классный руководитель, оглядев сиротливый стол из сухих лепёшек, вздохнул, махнул рукой и послал одного из парней в лавку через дорогу, выдав ему денег на нормальную закуску и сладости.

Так пали невидимые барьеры между мужской и женской половиной общежития, которые раньше охранялись строже государственной границы. Еды по-прежнему было в обрез, но все радовались так, словно закатили пир на весь мир. В центре комнаты расчистили пятючок, где одна из девчонок смущённо, но красиво станцевала под аплодисменты толпы, а потом хором затянули любимые песни. В угаре веселья стирались давние обиды, произносились признания, на которые раньше не хватало духу... Расходиться начали далеко за полночь, только когда учителя взмолились и приказным тоном велели всем укладываться спать.

Утро выдалось тяжёлым. Выпускники, непривычные к хмельному, лежали пластом. Комната напоминала поле боя после артобстрела: тела бывших школьников живописно раскидались по голым деревянным нарам. Кто-то ухитрился уснуть прямо на пыльных досках чужой пустой койки, собрав спиной всю грязь.

Ван Сюань проснулся первым. Сполоснув лицо ледяной водой и приведя себя в божеский вид, он оглядел этот бедлам и безжалостно принялся расталкивать спящих:

— Подъём, сони! Посмотрите, в какой свинарник комнату превратили. Вчера намусорили, а убирать за нас кто будет? Быстро за веники!

Парни, мучаясь с похмелья, кое-как сползли с коек. Плескаясь холодной водой у рукомойников и отфыркиваясь, они медленно возвращались к жизни.

— Вот же паразиты, — ворчал один из ребят, выгребая из-под кровати гору шелухи от семечек. — Насвинячили и свалили, а нам теперь отдуваться.

— Да ладно тебе, не ворчи, — успокоил его Гоудань. — Вчера весь коридор на ушах стоял, у соседей бардак не лучше нашего.

Когда комната наконец засияла относительной чистотой, Ван Сюань вышел в коридор, где уже подавали признаки жизни обитатели других комнат, и зычно скомандовал:

— Эй, за завалами следите! Учителя велели, чтоб к обеду во всех комнатах и на этаже было убрано!

Школьный пищеблок в этот день пустовал — средние классы должны были вернуться с выходных только завтра, так что голодные желудки выпускников дружно завели утренний концерт. Наведя мало-мальский порядок, парни разбились на кучки и потянулись за ворота, на поиски уличных торговцев едой.

Вернувшись, Гоудань с Ван Сюанем принялись за сборы. Книги складывали в один фанерный ящик, нехитрую одежду — в другой. Вчерашнее буйное веселье немного заглушило тоску расставания, но при виде того, как ребята укладывают вещи, на душе у оставшихся снова закошки поскребли.

Поскольку вещей — особенно книг — у парней накопилось предостаточно, соседи охотно вызвались помочь.

— Ого, сколько у вас макулатуры! — удивился Жэнь Бяо, бережно принимая из рук Ван Сюаня увесистую стопку. — Это что, романы? Смотри-ка, «Как закалялась сталь», «Сон в красном тереме»... Ничего себе библиотека! О, и толстые журналы тут, и «Утренние цветы, сорванные в сумерках» Лу Синя... Кто бы мог подумать, что вы столько литературы перелопатили. И наши авторы, и зарубежные.

— Вы полегче с ними, не бросайте как попало, — предупредил Ван Сюань. — Книги чужие, брали почитать. Если испортим, мы с Гоуданем вовек не расплатимся, такие издания днём с огнём не сыщешь.

Среди потрёпанных томов действительно было немало шедевров мировой классики, причём попадались как оригинальные издания на иностранных языках, так и редкие переводы первых тиражей. Именно эти сокровища наводили Гоуданя и Ван Сюаня на мысль, что их приятель Лю Юань — птица высокого полёта. В те годы истинная образованность и эрудиция не давались простым упорством выходцам из низов. Для этого требовались обширная домашняя библиотека, доступ к редким фондам и совершенно иной кругозор, недоступный детям обычных рабочих или крестьян.

Да и держался Лю Юань как-то по-особенному. Его манеры, мягкие, но исполненные тихого достоинства, выдавали благородное происхождение, которое невозможно подделать или симитировать.

Увязав коробки и аккуратно составив их в углу, Гоудань и Ван Сюань не стали надрывать спины. Они налегке дошли до своего арендованного жилья, выкатили велосипеды и за пару заходов перевезли всё имущество. Когда ребята вернулись в комнату в последний раз, чтобы попрощаться, их опустевшие, сиротливо голые койки заставили оставшихся одноклассников почувствовать себя совсем потерянными.

Спустя два дня коридоры школы вновь заполнились гулом голосов. Выпускники собрались в своём прежнем кабинете. Правда, теперь парты стояли непривычно чистыми — без стопок тетрадей и учебников, да и у доски никто не выводил формулы. Гоудань с Ван Сюанем поначалу вообще не собирались приходить: зачем зря тратить время на сверку ответов, если дело уже сделано? Сами заявления они заполнили твёрдо и без колебаний: в первой графе у обоих значились столичные вузы.

В те годы большинство абитуриентов перестраховывались и вписывали длинный список учебных заведений пониже рангом — от элитных до самых заурядных, лишь бы не остаться за бортом.

Никого особо не заботило, лежит ли душа к будущей специальности и нравится ли сам институт. Главное — поступить, зацепиться за высшее образование, получить заветное распределение после выпуска. Всеми двигал один шкурный интерес: пройти по конкурсу хоть куда-нибудь, не рискуя остаться ни с чем.

Но Гоудань и Ван Сюань проявили редкое упрямство. Сколько бы классный руководитель ни урезонивал их, они наотрез отказались переписывать заявления, расширять список запасных вариантов или — упаси бог — подавать документы в разные города. Учитель зла им не желал, наоборот, искренне переживал и пытался подстелить соломку, чтобы повысить шансы парней на успех. Он долго и терпеливо раскладывал перед ними карты, доказывал преимущества местных провинциальных вузов, твердил, что журавль в небе хорош, но синица в руках надёжнее.

Однако Гоудань лишь мягко, но непреклонно покачал головой:

— Спасибо за заботу, учитель. Но мы всё для себя решили. Менять ничего не будем.

<http://bllate.org/book/19654/1996782>